

Ливан: обыкновенная «консоциональная демократия» в региональном контексте

А.В. Сарабьев

Институт востоковедения РАН

Ливан обладает рядом особенностей, которые обуславливают его особое положение в регионе и важность в системе отношений между государствами Ближнего Востока. Большую роль в этом играют идеологический и стратегический аспекты мировой политики в регионе, в которые Ливан органически вписан как в историческом, так и геополитическом плане. Устойчивость страны, прошедшей сквозь долгую гражданскую войну, выделяет её из ряда государств региона. Авторская гипотеза состоит в том, что причина необычайной устойчивости ливанского общества, системы государственной власти, политических элит, хозяйственных связей и внешнеполитических контактов вопреки всем негативным региональным факторам может корениться в консоциональном принципе принятия ключевых решений, основанном, как это ни парадоксально, на пресловутом политическом конфессионализме. Особенности ливанской политической модели (хотя и подвергаемые заслуженной критике), выделяют её из множества «привычных» демократий, сближая с примерами уникальных демократических систем Европы и других континентов. Пестрый конфессиональный состав общества, наряду с исторически обусловленными внешнеполитическими ориентирами отдельных общин, предполагал особый неформальный механизм принятия решений в масштабах страны – не на основе власти большинства, а по договорному, компромиссному принципу. Ведущие теоретики консоционализма нередко имели в виду ливанский образец демократии в своих политологических выкладках, и многие из их наработок по сей день хорошо применимы для анализа вопросов функционирования основных государственных институтов Ливана. Теоретическое исследование, наряду с анализом текущей региональной ситуации, убеждает автора в правоте выдвинутой гипотезы. Как в ливанской истории, так и теперь именно застарелые формы внешних воздействий заставляют ливанское общество балансировать на грани обострения межобщинных столкновений. Совокупность внешних факторов послужила началом и в дальнейшем подогревала гражданскую войну. Накалившиеся к 2005 г. отношения с Сирией, нападение Израиля в 2006 г., серьёзнейшая угроза со стороны джихадистов-халифатистов – все эти внешние факторы негативно отражались на внутригражданских и межобщинных отношениях. Стереотипные формы использования извне соответствующих конфессиональных групп (шиитов, суннитов, христиан разных конфессий и др.) и даже прямое давление из-за рубежа продолжают сталкивать их между собой, навязывая чуждые для ливанцев представления о социальных отношениях и политическом участии. Диверсификация политических и деловых контактов России с представителями разных ливанских

УДК 327

Поступила в редакцию: 21.04.2019 г.

Принята к публикации: 08.08.2019 г.

общин может служить удачным примером восприятия Ливана со всеми особенностями его политической системы как полноправного субъекта международных отношений.

Ключевые слова: Ближний Восток, идеология арабского национализма, суннито-шиитский конфликт, ливанские христиане, консоциальная демократия, политический конфессионализм, глубоко разделённые общества, международные связи, политическое давление, Ливан

Ливанская проблематика остаётся интереснейшей и одной из самых важных для понимания ближневосточных проблем, и тем не менее, некоторые её политические аспекты всё ещё нуждаются в разработке. В качестве цели данной работы автор видит выявление тех сторон внутривнутриполитических особенностей Ливана, которые обуславливают уникальное региональное положение страны в системе межгосударственных отношений, и тех региональных факторов, которые поддерживают со своей стороны пресловутый ливанский конфессионализм – систему политических отношений между представителями разных социальных (конфессиональных) групп, основанную на договорном, консоциальном начале.

Авторский исследовательский вопрос сводится к следующему. Способ принятия политических решений, базирующийся во многом на неформальных практиках и даже обнаруживающий элементы институционализации, как бы дополняет собственно демократические институты ливанского государства. Сам по себе этот консоциативный способ обращает на себя внимание в качестве ключа к феномену эффективности ливанской политики, трудно объяснимому в виду высокой гетерогенности ливанского общества и совершенно особых условий существования государства в системе региональных отношений.

Учёные, в разное время обращавшие внимание на этот политологический феномен, нередко подходили к нему либо со стороны только анализа взаимодействия Ливана с ведущими региональными игроками (политическими режимами, трансграничными исламистскими организациями, спонсорами сегментов ливанского политического поля), либо с точки зрения умозрительного анализа политической модели, относимой, как правило, к консоциальной, разновидности которой представлены в государственных системах Европы, Латинской Америки, Африки. Автор поставил перед собой задачи сопоставить имеющиеся блестящие наработки российских и зарубежных коллег в обоих этих аспектах, совместить элементы политологических рассуждений и выводов прославленных теоретиков демократии с богатым арсеналом ближневосточной аналитики, касающейся Ливана.

Структура статьи обусловлена этими задачами. Вначале автор задаётся вопросом о поразительной жизнеспособности уклада ливанского политического

поля, устойчивости его властных элит. Он подводит к формулированию собственно исследовательского вопроса и излагает собственную гипотезу, нуждающуюся в верификации. С этой целью внутривнутриполитическая ситуация анализируется в контексте идейно-политического развития региона на протяжении нескольких десятилетий, и этот региональный контекст позволяет верно оценить как свойства «глубинной» властной парадигмы, так и недостатки ливанской политической модели в теоретическом и сугубо практическом планах. Выявляется лежащее в её основе договорное начало (консоциация) конфессионализма, который далее детально рассматривается вписанным в систему региональных и глобальных международных отношений. Основное внимание уделяется дифференцированным внешним связям разных кругов политического истеблишмента Ливана. Подчёркивается опасность внешних воздействий и политико-экономических влияний на ливанскую систему конфессионального представительства, региональные экономические связи, расстановка политических ориентиров в глобальном масштабе, поскольку внешние факторы традиционно играли ведущую роль в большинстве поворотных моментов ливанской истории.

Парадокс ливанского «феникса»: от наблюдений к гипотезе

Социально-политическое развитие Ливанской республики в последние годы в полную силу обнаруживает свои яркие особенности. Это касается и внешнеполитического положения этой страны – во многом уникальной в Ближневосточном регионе. Декларативно нейтральный курс её внешней политики, как и провозглашённый много десятилетий назад принцип невмешательства и неприсоединения, не избавляют от труднообъяснимых черт, носящих характер парадокса. Они, в свою очередь, создают трудности анализа тех региональных процессов, в которые эта маленькая страна оказывается волей-неволей вовлечённой.

Политологи и историки постепенно отказываются от некогда распространённых характеристик ливанского общества: будто бы оно обладает имманентным потенциалом внутреннего конфликта – якобы в силу многосоставного характера в конфессиональном и этническом отношениях. Сегодня становится необходимым возвращаться к природе сложной (многоплоскостной) стратификации ливанского общества, с одной стороны, и уникального политического механизма принятия решений на государственном уровне, с другой. Иначе, как объяснить устойчивость системы власти и поразительную жизнеспособность самовоспроизводящихся «старых элит» в контексте макрорегионального пафоса социальной революции (эпохи «арабской весны»)? Как можно объяснить стабильность работы государственных структур при затяжном кризисе почти всех ветвей власти – трёхкратное продление депутатских мандатов (с 2009 по 2018 г.), три года пустовавшее кресло президента страны (с 2013 по 2016 г.), долговре-

менную формальную неполноценность кабинета министров – и относительно благополучный выход из этого системного политического пике?

Наконец, нелегко анализировать успешное отражение ливанцами атак исламистов-радикалов, вторгавшихся в пределы Ливана с территории охваченной многосторонней войной Сирии. И это при условии втянутости в сирийский конфликт мощной ливанской негосударственной военизированной структуры («Хизбаллы»), подвергнутой международному остракизму.

Нахождение в Ливане палестинских лагерей с их серьёзными внутренними проблемами и настоящей борьбой в них палестинских боевых и политических организаций между собой также не добавляет стране общественной безопасности и гражданской консолидации.

И при всём при этом страна развивается, её культурная жизнь, общественная мысль, свобода слова и печати находятся на высоком уровне. Укрепляются многоплановые двусторонние контакты с самыми разными странами. Развитие отношений с Россией – экономических, политических, научных и культурных – является для ливанцев одним из приоритетов.

Свойственная Ливану динамическая стабильность непростых социальных отношений, наряду со способностью выходить из сложнейших политических кризисов и восстанавливаться после ведущихся на его крохотной территории боевых действий (нападение Израиля в 2006 г., крупные атаки экстремистов в 2007, 2016–2017 гг.), заставляют пристальнее вглядываться в его внутривнутриполитические особенности и положение в регионе.

Связь ливанских политических групп с разными региональными силами неоспорима. В то же время вовлечённость Ливана в политические процессы в масштабах всего Ближнего Востока не всегда очевидна, на первый взгляд. И тем не менее, весомая роль этой небольшой страны в перипетиях международных отношений, как и моментальные отзвуки любых ближневосточных трансформаций на внутривнутриполитических отношениях в Ливане, отчётливо прослеживаются при внимательном рассмотрении, особенно в контексте современной истории. Авторская гипотеза заключается в том, что жизнеспособность ливанского государства и устойчивость его многосоставного общества в условиях глубокой «вписанности» страны во все региональные процессы, обязаны его уникальной социально-политической системе, вызывающей ожесточенную и часто заслуженную критику.

Отмеченная выше парадоксальность может корениться как раз в особом способе принятия политических решений – на основе неформальных институтов и практик (возможно, архаичных и регрессивных), во многом дополняющих демократические институты и процедуры и делающих их эффективными в особых условиях существования гетерогенного ливанского общества.

Ливанская политическая модель, о которой пойдёт речь, включает в себе благоприятные для принятия компромиссных решений и их эффективности условия. В ней заложены институциональные предпосылки для сотрудничества

казалось бы разрозненных и даже противопоставленных друг другу социальных групп как сегментов общества. Особенно рельефно это проявляется, если рассматривать политические круги, представляющие эти группы, в региональном контексте.

Региональный идейно-политический контекст

В ракурсе регионального противостояния Ливан чаще всего рассматривают в качестве поля схождения противоречий между шиитским и суннитским мирами. В арабском регионе он также представляет собой уникальный пример такой страны с мусульманским большинством, где, тем не менее, важные государственные посты – и даже пост президента – сохраняют за собой христиане.

Ещё одна важнейшая особенность Ливана по сравнению со странами всего ближневосточного региона есть та, что, являясь республикой, эта страна никогда не руководствовалась в своей политике ни левой идеей, ни идеей арабского национализма в чистом виде, как, например, республики Египет, Ливия, Сирия или Ирак. Вместе с тем коренные отличия в ее политике сохранялись и по сравнению с косными арабскими монархиями, которые держатся право-консервативных курсов. Возможно, что эта «финикийская» черта – не очаровываться до самозабвения популярными идеологиями и всегда иметь некоторую долю здорового скепсиса – продолжает давать ливанцам возможность спокойно относиться к политическим сделкам и быстро перестраивать блоки и альянсы в зависимости от выгоды для текущего положения. При этом политика для ливанцев, как и торговля, имеет свои границы, свои «понятия», выход за которые означает грубое нарушение правил игры.

Исключительно внутренние факторы почти никогда не выводили ливанское политическое поле за эти рамки. Тяжёлые времена, когда в дело вступали боевые дружины партий и разгорался гражданский конфликт, приходились как раз на обострение идеологических противостояний в регионе в целом (70–80-е гг.) или на давление извне (события 1958, 1989 гг.), в том числе военную агрессию (1973, 1976, 1982, 2006 гг.).

Сложная внутренняя ситуация в сфере социального обеспечения, высокая дифференциация общества по материальному уровню, очевидные недостатки системы политического представительства вкупе с внешними факторами социального взрыва всё-таки не увлекли Ливан в водоворот арабской «волны турбулентности», даже несмотря на пресловутый (поспешно объявленный в прес-се и подхваченный многими экспертами) «эффект домино». Парадоксальность такой устойчивости, когда все элементы региональной мозаики сложились в самую неблагоприятную для Ливана комбинацию, может заключаться в одном базовом элементе «арабской весны». Гипотетически и очень обобщённо он заключается в прекращении долгой инерции арабского национализма, который в ряде стран служил некогда основной государственной идеологией. Ливанская

республика, власти которой никогда не опирались на эту идеологию (только шихабизм в далекие 60-е гг. обнаруживал симпатии к ней), не испытала и болезненной перестройки, связанной с прекращением инерционного действия арабского социализма и национализма¹.

Очень похоже, что в ходе «арабской весны» произошёл окончательный откат от гремевших когда-то в арабском мире этих уравнилельных патриотических идей, включая национальную арабскую общность, социально-ориентированную политику, но, одновременно, и жёсткую вертикаль власти, обеспечивавшую социальный порядок и жёсткое государственное регулирование. Откат в сторону посткапиталистического встраивания в систему новых глобальных доминант (высочайшие темпы технологического развития и экономическая детерминированность в условиях принципиально нового типа формаций). Правда, социальная инерция, часто соотносимая с арабскими традициями (культурными, деловыми, социальных связей и др.), ещё долго будет удерживать привычные (безнадёжно устаревшие) представления о происходящем, вызывая в памяти известные исторические феномены властных моделей (например, «военное правление», «религиозное меньшинство у власти», «определяющая роль руководящей партии» и т.п.). Но эти реминисценции будут лишь миражами, видимостью, привлекательной для населения и даже политологов своей объяснимостью. Отождествляемая с такими представлениями социальная инерция (или инерция традиции) тогда может быть объявлена главным препятствием на пути к прогрессу. Не втянет ли в себя глобальный «плавильный котёл» богатейшие и разнообразные религиозные традиции Ближнего Востока, будто бы стоящие против течения истории?

Возвращаясь к первым из подмеченных особенностей, нужно подчеркнуть, что Ливан уникален своей внутренней религиозной ситуацией. При этом внешнеполитические ориентиры его основных конфессиональных общин далеко не всегда соотносятся с условными лагерями по тому же вероисповедному признаку. Так, ливанские шииты, действительно, в высокой степени ориентируются на помощь от единоверного им Ирана. Однако это не мешает им уже долгое время (практически с 2005 г.) находиться в близком политическом контакте со Свободным патриотическим движением, где доминируют представители маронитской (католической) общины. К сведению, патриарх маронитов, Бешара Бутрос ар-Раи, уже через полтора года после своей интронизации в ноябре 2011 г. был возведён в сан кардинала Католической церкви (первым за всю историю маронитов кардиналом-патриархом был его предшественник, Насралла Бутрос Сфейр).

¹ Знаменательное событие, поворотный пункт в истории сирийского баасизма прошёл почти незамеченным в прессе. Фактически под эгидой сирийского президента в апреле 2017 г. состоялся расширенный пленум ЦК «Баас», на котором были сделаны радикальные кадровые перестановки в руководстве партии: «сформирован новый Центральный комитет ПАСВ и внесены изменения в региональное руководство». (URL: <https://www.sana.sy/ru/?p=107146> (accessed 26.08.2019)). Но что это – правая ревизия или охранительный акт, консервация баасистской идеологии? – покажет время.

Сунниты Ливана отличаются большей дробностью своих региональных предпочтений. Значительная их часть ориентируется, конечно, на Саудовскую Аравию, её авторитет в регионе и экономические возможности. Но очень многие сунниты являются частью политических сил, никак не связанных с этим королевством. Среди них есть и прогрессисты, и коммунисты, и сторонники сирианизма; сунниты входят в состав движений, где доминируют представители совсем других религиозных конфессий.

Так что суннито-шиитская конкуренция в масштабах ближневосточного региона, отражается на политическом поле Ливана (Bahout 2013: 2), но отнюдь не определяет однозначно и механически расстановку политических сил соответствующих общин. В основе выбора ливанцами региональных ориентиров лежат, прежде всего, политические интересы, возможности материальной поддержки общины извне и стратегия выстраивания траектории прохождения во власть. Существующее якобы противостояние суннитов и шиитов Ближнего Востока, отражающееся на политической арене ряда стран, является слишком широким обобщением, которое вообще трудно применимо для анализа конкретных проблем.

Ливанские шииты и сунниты, при всех имеющихся разногласиях, прекрасно договариваются между собой, когда речь идёт, например, о безопасности страны. Самый наглядный пример – совместные успешные действия ливанской армии и формирований «Хизбаллы» в отражении атак боевиков-халифатистов и очистки от них пограничного с Сирией района Эрсаль. Зоны экономического влияния, распределение министерских портфелей, ведущие посты в силовых структурах – все эти и другие вопросы в конце концов решаются путём консенсуса («консоциации»).

Христиане на Ближнем Востоке, о судьбе которых уже не один год выражают обеспокоенность на разных уровнях, также продолжают оставаться неотъемлемой частью политической арены Ливана. Более того, в последнее время, в результате продуманной политики президента-маронита Мишеля Ауна их политические позиции даже укрепились. Избирательное законодательство реформировано фактически на основе предложений депутатов-христиан. На ключевых постах в кабинете министров стоят христиане (например, министр обороны, экономики и торговли, юстиции, энергетики и водных ресурсов). Христиане (марониты, православные, греко-католики, армяне-григориане) составляют половину членов правительства. Хотя и трудно, но находятся взаимоприемлемые решения для христиан-католиков, православных, мусульман-суннитов, шиитов и друзов в плане конфессионального соотношения в органах государственного управления.

Таким образом, подготовительный – доинституциональный – трек обсуждения предоставляет ливанцам возможность достижения консенсусного, устраивающего всех характера важнейших для страны решений. Причём это относится не только к области политики, но равным образом и к экономическим вопросам, в том числе в региональном масштабе. Кстати, некоторые учёные

склонны видеть в основе «арабской весны» не столько политические, сколько социально-экономические мотивы, когда «авторитарные режимы на Ближнем Востоке стали слишком хрупкими, чтобы адаптироваться к тому экономическому давлению, которое вызвало там массовые движения с начала 2011 г.» (Heydemann, Bouyssou 2013: 70). И в этом смысле Ливан, продемонстрировав гибкость своей экономической политики, смог избежать волнений.

Другое дело, что не ослабевает внешнее давление, особенно на важнейшую для страны банковскую сферу. Ливанский Центробанк уже испытал на себе разнообразные санкции со стороны США под предлогом ослабления «Хизбаллы»². Ливанские журналисты сообщают о случаях давления на президента и премьера со стороны посольства США: якобы американские власти ради «усиления давления на “Хизбаллу” и натравливания на неё ливанцев» не собираются останавливаться даже перед раскачиванием стабильности страны, особенно ее банковского сектора³. А британские власти в конце февраля 2019 г. – менее месяца спустя после утверждения нового правительства Ливана – приняли решение внести в список запрещённых организаций не только её боевое крыло, но саму партию, активно действующую на ливанском политическом поле⁴. Теперь за поддержку «Хизбаллы», по британским законам, грозит до 10 лет заключения⁵. А ведь среди ливанских министров – двое (по делам молодёжи и спорта и госминистр по парламентским вопросам) представляют эту партию, а ещё один (министр здравоохранения) тесно с ней связан. Можно ли быть уверенным, что такой шаг англичан не будет дестабилизирующим ливанское политическое поле? Что он не будет способствовать углублению взаимных противоречий между общинами и дезинтеграции многосоставного ливанского общества?

Свойства «глубинной» властной парадигмы

Характеризуя общества, подобные ливанскому, как «глубоко разделенные» (*deep divided societies*) выдающиеся теоретики прошлого задавались вопросом об их поразительной жизнеспособности. В далёком 1979 г. Иэн Лустик писал: «Что действительно сбивает с толку в контексте такого общего подхода, так это сохранность [такого рода] общественно-политических систем с течением времени, особенно устойчивое продолжение отдельных моделей политических отношений. <...> Проблема, головоломка, заключается в том, как объяснять долговременную политическую устойчивость в обществах, которые по-прежнему

² Magnier E.J. 2018. Hezbollah in Lebanon: US Hegemony is Over. *Al-Rai (Kuwait)*. 21 Nov. URL: <https://ejmagnier.com/2018/11/21/hezbollah-in-lebanon-us-hegemony-is-over> (accessed 26.08.2019).

³ Аш-Шуфи Ф. 2018. Тахдид истикрар Любнан: ибтизас амерки маздудж (Угроза стабильности в Ливане: двойной американский шантаж). *Аль-Ахбар*. 19.11.2018. (на араб. яз.). URL: <https://al-akhbar.com/Politics/261935/تهديد-استقرار-لبنان-ابتزاز-اميركي-مزدوج> (accessed 26.08.2019)

⁴ Wintour P. 2019. UK to outlaw Hezbollah's political wing. *The Guardian*, 25 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/25/uk-outlaw-ban-hezbollah-political-wing-lebanese> (accessed 26.08.2019).

⁵ Hezbollah to be added to UK list of terrorist organisations. *BBC*. 25 Feb. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47359502> (accessed 26.08.2019).

характеризуются глубокими вертикальными разломами» (Lustick 1979: 327). Верно поставленный выдающимся политологом вопрос заставляет обратиться к характерным особенностям ливанского общества, как их описывали некогда неангажированные исследователи.

Например, профессор из Университета Мэрилэнда Энвер Кури писал, что Ливан характеризовался как «политическое общество» (все признаки государства), но не обладал «чувством общества» (психо-культурные особенности нации, в том числе общность истории, традиции, языка, опыта): «Это собрание этнорелигиозных подсообществ (*subcommunes*), связанных между собой, в лучшем случае, общей неизбежной необходимостью, и устранение зазоров между ними остаётся критичным» (Koury 1976: 9).

Первостепенной задачей остаётся движение в направлении национального единства, но на этом пути очевидны препятствия – «зазоры» между социальными группами или даже линии социальных разломов. «Различия между сегментами [общества] в территориальном, социально-экономическом и конфессиональном планах, – пишет ливанский профессор Антуан Месарра, – вообще взрывоопасны, но гораздо большая острота возникает, когда все различия сводятся к одному единственному фактору. Так, богатые и образованные сунниты ближе к богатым и образованным маронитам, а максимальный разрыв наблюдается между бедными суннитами или шиитами и богатыми и образованными представителями других общин. Экономическое и социально-[политическое] представительство, наряду с социально-экономической корректировкой (*réajustements*), оказывают двойное действие – деполяризацию и деполитизацию разломов в консоциальных обществах» (Messarra 1983: 490).

Намного раньше, в 1956 г., как описывал Аренд Лейпхарт, политолог Габриэль Алмонд в споре с ним отстаивал идею, что «следует ожидать нестабильности в культурно-гетерогенных обществах, разделённых “взаимоусиливающими расколами”» (цит. по: (Lijphart 1981: 90–91)), а позднее созданная Алмондом типология утверждала ожидание демократической стабильности в социально-интегрированных обществах и, напротив, нестабильности – в раздробленных.

Нынешняя ливанская демократия, словно оспаривая самим своим существованием эти ожидания, пусть и под огнём ожесточённой критики (Christophersen 2018), продолжает своё развитие, сохраняя неповторимые особенности, в том числе перекосы и недостатки, но в любом случае нуждается в пристальном изучении феномена такой устойчивости.

Ливанское государство представляет собой уникальный для Ближнего Востока образец демократического устройства, и уникальность эта не была обусловлена ни новой идеологией, охватившей массы населения и связавшей воедино разные социальные группы (например, арабский социализм), ни подавляющей несогласных своей железной рукой одержавшей верх стороны в отгремевшей гражданской войне, как в некоторых других странах (самый яркий пример – американская демократия), она также не является насаждённой извне. Ливанская

демократия – продукт многовекового исторического опыта сосуществования на ограниченной территории социальных групп с разным мировоззрением, религией, обычаями и даже внешнеполитическими ориентирами. Обычно граждан одной страны объединяет общность происхождения, но ливанцы с их разными представлениями о прошлом собственного этноса не вписываются и в эти рамки. Гражданская идентичность подпитывается некой общей культурно-религиозной почвой, но к Ливану с его 18-ю конфессиями, где христиане и мусульмане распределялись примерно поровну, это тем более неприменимо.

Способность, а точнее вынужденность ливанцев договариваться между собой была, без преувеличения, выстрадана по мере преодоления острых кризисов межконфессиональных отношений (особенно в XIX в.) и столкновений на идеологической почве (например, в ходе гражданской войны 70–80-х гг. XX в.). Договорной принцип принятия политических решений и отражён в названии, которым западные политологи обозначают в том числе и ливанскую демократическую модель – *consociational democracy* (консоциональная, консоциативная, согласительная демократия) (Bogaards 2014; Messarra 1983; Party Elites... 1999; Renegotiating the Welfare... 2003)⁶.

Тот факт, что в русском языке нет подходящего термина, адекватно передающего смысл этой модели, может свидетельствовать как раз о её специфичности. Действительно, в мире очень немного стран, по отношению к которым политологи когда-либо применяли это понятие. В основном это государства со значительными пережитками традиционного, «немодернизированного» общественно-политического уклада: латиноамериканские Колумбия, Гайана и некоторые африканские страны. Можно было бы заподозрить политологов в высокомерном ориентализме, если бы не существенное «но». К этому ряду относят также довольно успешные европейские страны: классическим примером консоциональной демократии считается Швейцария, но иногда так говорят также в отношении Бельгии, Нидерландов и Австрии. Некоторые добавляют к этим странам Данию и Израиль⁷ и даже британский анклав Северную Ирландию. Все эти общества характеризует относительная равновесность интересов разных социальных групп, в том числе национальных или религиозных общин⁸. Такая особенность просто не позволяет появляться принципиальным решениям, отражающим интересы лишь отдельных групп и обходить достижение полити-

⁶ На заре политологической разработки этого термина подчёркивались, в частности профессором из немецкого Констанца Герхардом Лембрухом, такие аспекты этой модели, как пропорциональное представительство (*Proporzdemokratie*) и её согласительный характер (*Konkordanzdemokratie*).

⁷ Так, в интересном сборнике 1999 г., посвящённом этому вопросу, в отношении консоционализма рассматривалась партийная система таких стран, как Австрия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Швейцария, Израиль. См.: (Party Elites 1999). Вопросы, связанные с консоциональной моделью, поднимаются в отношении Швейцарии и Нидерландов в сборнике: (Renegotiating the Welfare... 2003). В более свежем исследовании добавляются примеры Ливана, Северной Ирландии, Боснии и Герцеговины. См.: (Bogaards 2014).

⁸ Так, в другой части света одним из наиболее показательных примеров является Кооперативная республика Гайана, где говорящее на разных языках население (ок. 760 тыс. чел.) составляют этнические индийцы, африканцы, индейцы, португальцы, китайцы, арабы, а в религиозном отношении это индуисты (ок. 28%), христиане-пятидесятники, католики, англикане, адвентисты, методисты и другие христиане, мусульмане (более 7%) и прочие.

ческих компромиссов, в противном случае грозя болезненными социальными протестами и внутренним противостоянием в обществе.

Очень далёкая от идеи диктата большинства⁹, эта модель ближе, пожалуй, к тем древним компромиссным моделям принятия решений, которые мы понимаем, говоря, например, о средневековом новгородском вече. Среди недостатков такой модели следует ожидать, конечно, слабую правовую регламентированность, сильную зависимость от групповых, клановых и даже личных прямых воздействий и косвенных влияний, деформирующих принятые демократические процедуры.

На это указывает, в частности, и такой известный политолог, интерпретировавший идеи консоциальной демократии, как упоминавшийся выше Иэн Лустик: «Лейпхарт утверждал, что была необходимость во введении новой категории в типологию демократий Алмонда – гетерогенное общество при стабильной демократии. Его логика, захваченная идеей “консоциационализма”, оказалась правдоподобной в отношении стабильного функционирования демократии в таких “культурно раздробленных” или “разделённых” обществах, как Бельгия, Нидерланды, Швейцария и Австрия» (Lustick 1997: 91).

Что же составляло ядро «логики, захваченной идеей консоциационализма»? Очевидно, таким ядром должен был стать сам способ принятия решений, который отличался от распространённого в других демократических моделях. И действительно, Аренд Лейпхарт указывал на два типичных метода принятия консоциальных решений (в дополнение к основным характеристикам этой модели): «Первый заключается в том, чтобы делегировать власть реализации решений каждому социальному сегменту вместо того, чтобы выносить решение на собрании или в ходе консультационного процесса всех социальных сегментов. Второй имеет особенное значение для вопросов, не предполагающих однозначных решений (*yes-or-no decisions*), но касающихся распределения государственных средств на значимые блага. Консоциальный метод заключается в применении пропорциональности к такого рода вопросам – в отличие от принципа, когда победитель получает всё (*winner-take-all tendency*), в рамках соревновательного типа принятия решений» (Lijphart 1981: 359).

Правда, в таком случае следует ожидать гораздо более дробное политическое поле, более сложную систему распределения доступа к экономическим рычагам и ресурсам, поскольку «пропорциональность власти» предполагает наличие механизма тонкой настройки противоречивых тенденций – взаимного ограничения властных и материальных претензий представителей общин, наряду с самоограничением ради достижения компромисса.

⁹ Один из ревностных защитников либеральной демократии, Деннис Мюллер, пишет, что «стимулы мажоритарной демократии работают против согласия насчет общих целей», и приводит в качестве примера успешной модели швейцарскую, напоминая о печальном опыте модели США: «обе стороны Гражданской войны в Америке имели демократически избранные правительства» (Мюллер 2015: 342).

Ливанская конфессиональная система властного представительства пока – хотя и парадоксальным образом – работает, и при всей уязвимости для критики своей политической формы, именно она «смягчает межконфессиональные конфликты» (Fakhoury 2014: 247). Жёсткая, правильной формы структура в условиях сложного ливанского общества может оказаться хрупкой (широко употребляемое в западной политологии определение – *fragile*), тогда как гибкая, сугубо восточного типа, консociальная структура оказывается действенной и самонастраиваемой. Нельзя не отметить, правда, что она существенно раздвигает границы поля значений слова «демократия».

Недостатки ливанской модели: от теории к практике

Критика ливанской демократической модели раздаётся с разных сторон и затрагивает почти все её элементы. Но ещё до практического воплощения консociальной модели, сама её теоретическая разработка критиковалась политологами. В частности, большая порция критики теории Лейпхарта была связана с таким её элементом, как представительство социальных групп на политическом поле, когда образуется довольно замкнутый элитарный круг лиц, сосредоточивших в своих руках властные и экономические прерогативы. Выступая от имени общин с самыми разными запросами и сталкивающимися интересами, высший политический слой всё же обладает гораздо большей взаимной зависимостью, чем зависимостью от своих избирателей, что ведёт к снижению их ответственности перед ними. По мнению критиков, это выхолащивает собственно демократический характер системы.

Так, Бренда Сивер, исследовательница из Университета Калифорнии, следующим образом суммирует критику с этой стороны: «Упор консociальной теории на превозношение элит и кулуарность принятия элитами решений, похоже, противоречит нормативной демократической теории» (Seaver 2000: 253). А в оправдание консociализма она же пишет, что опорным аргументом автора этой теории была её близость к классической модели «полиархии», а также тот факт, что меньшинствам по такой модели гарантируется представительство, в то время как мажоритарное устройство лишает меньшинства политического голоса (там же).

В классической модели Лейпхарта для успеха консociальной демократии предполагалось выполнение четырех условий: «(1) чтобы элиты могли согласовывать между собой различные интересы и требования субкультур; (2) чтобы они обладали способностью преодолевать раздоры и объединять свои усилия вместе с элитами конкурирующих субкультур; (3) это, в свою очередь, зависит от их приверженности поддержанию самой системы и усилению её цельности и стабильности; (4) наконец, все вышеперечисленные требования основаны на предположении, что элиты осознают угрозу политической фрагментации. <...> [Эти условия] связаны с уровнем меж-субкультурных отношений (*inter-*

subcultural relations) на уровне элит, таких же (*inter-subcultural relations*) отношений на массовом уровне и отношений между элитой и массами в каждой из субкультур» (Lijphart 1969: 216).

Острая критика ливанских «элит» за их неспособность к общегосударственной интеграции была высказана в благополучном для Ливана 2009 г. (когда успешно прошли парламентские выборы, был избран президент и назначены члены правительства, когда до затяжных кризисов этих ключевых структур было ещё далеко). Автор статьи о политической культуре Ливана, Мона аль-Баша, оценивая ливанский правящий класс, писала, что в ливанской ситуации связь «элит» с обществом очень слаба, им нечего предложить народу в плане объединяющих ценностей, что ведёт к отчуждению самого политического пространства: «Государство воспринимается как противостоящее конфессиональному сообществу, к которому “принадлежит” человек» (El-Bacha 2009: 82). Это, в свою очередь, может вести к демонополизации насилия со стороны государства и к легитимации его применения оппозицией.

А в связи с чрезмерными требованиями, предъявляемыми к политическому действию субъекта, ливанская консоциональная модель характеризовалась следующим образом: «Её кажущаяся стабильность <...> обманчиво опасна: социальная мобилизация, по-видимому, перегружает каналы ливанской политической системы» (Hudson 1967: 836).

При всех существенных недостатках имплементации модели в реальных обществах, всё же многие западные политологи (Эрнест Гриффит, Герхард Лембрух, Майкл Хадсон) отмечали, что консоциональная модель успешно работает только в сравнительно небольших государствах, даже при соблюдении прочих условий. По их словам, это выводится теоретически и было доказано на практике, в том числе на ливанском примере.

Нынешняя ливанская демократическая система поразительно точно подтверждает подмеченную ещё полвека назад закономерность: «Сохранение внутреннего равновесия предполагает снижение внешних требований к политической системе» (Lehmbruch 1974: 9; Lijphart 1969: 219)¹⁰. Иными словами, яркое своеобразие политического устройства не должно быть предлогом для подозрений в недемократичности и поводом для внешнего вмешательства с целью коррекции по некоему образцу, если только власть не вынуждена удерживаться исключительно при помощи насилия по отношению к целым социальным группам своего населения. Только «демократический плюрализм», очевидно, и может быть предварительным условием сохранения межконфессионального и вообще социального равновесия во многосоставном обществе. И наоборот, вмешательство – будь то грубое политическое (поддержка и даже создание оппозиции извне), экономическое (пресловутые санкции), военное (вооружение и финансирование боевых организаций и прямая интервенция) – неиз-

¹⁰ О консоциональной демократии (*Konkordanzdemokratie*), в том числе в применении к Ливану, идёт речь во многих материалах сборника статей разных лет этого автора: (Lehmbruch 2003).

бежно нарушают баланс и ведут не к коррекции демократии, а к социальному хаосу.

Несмотря на воодушевление ключевых теоретиков консоционализма, ситуация в Ливане даже в относительно спокойные годы – по крайней мере, до разразившейся в 1975 г. гражданской войны, давала основание критикам констатировать: «Вопреки хвалебным оценкам “классической консоциональной демократии” в Ливане, она не смогла предоставить устойчивых демократических решений для многосоставного общества (*plural society*). Это идёт вразрез с большинством теорий, предполагающих наилучшим политическим инструментом для таких обществ (*plural societies*) использование консоциональной демократии» (Yiftachel 1992: 324). Последовавшая цепь внутренних конфликтов, ужасающих акций возмездия (да просто взаимной мести), усугубленных внешней агрессией и израильской оккупацией, бросили серьёзный вызов ливанскому государству, закрепив в международном лексиконе трагический термин «ливанизация».

И всё же, едва ли можно согласиться с приведённой категоричной оценкой. Действительно, во многом первостепенным обстоятельством дестабилизации ливанской ситуации стали периодические воздействия на страну извне (от внешнеполитических вмешательств и присутствия на её территории иностранных военных, например, американских и французских командос, до прямых неоднократных вторжений израильтян и настоящей оккупации целых районов). Другим фактором, мешавшим развитию механизмов нахождения внутреннего политического консенсуса, стала усугубившаяся особенно после 1970 г. проблема присутствия палестинских боевых организаций в ливанских лагерях беженцев. К тому же к 1975 г. ливанская демократия была ещё довольно молода, и за три десятилетия независимости консенсусный характер государственных институтов мог просто не успеть вызреть в тех сложных внешнеполитических условиях.

В скором времени кризис уже непосредственно в компромиссном характере принятия властных решений в период гражданской войны привёл к неизбежным столкновениям, которые обострялись по мере неготовности сторон идти на уступки и находить приемлемые для всех ливанцев решения. Этот кризис естественным образом повлёк за собой сомнения в действенности той демократичности модели, которая прижилась было в ливанском государстве и уже демонстрировала свою эффективность. Жестокие столкновения ополчений разных ливанских общин и кланов вызывали чувство абсолютного пессимизма в отношении будущего консоциональной демократии.

Тогда, в разгар очередной фазы ливанских событий американский учёный сирийского происхождения Ричард Хрэйр Декмеджян выражал серьёзные сомнения в будущем ливанского консоционализма, хотя и признавал, что западноевропейские образцы этой модели демонстрируют полную совместимость «модерности и общинного плюрализма» (*modernity and communal pluralism*),

даже если принять вступление их в «новую фазу постмодерности» (Dekmejian 1978: 264). Небольшие западноевропейские консоциальные системы, по его мнению, являлись «при условии перерастания ближневосточными государствами и их модернизирующимися элитами “начально-идеологической” фазы их растущего национализма, образцом для подражания и моделью, наилучшим образом вписывающейся в их пестрые социальные “мозаики” (*segmented “mosaics”*)» (там же). При этом Декмеджян критиковал не столько архаичность ливанской политической системы за её непригодность для модернизирующейся среды Ближнего Востока, сколько панарабский национализм, с одной стороны, и проблему палестинского присутствия в стране, с другой, которые дестабилизовали, по его словам, государственные институты.

Возвращаясь к важнейшему пункту критики консоциализма – олигархичности этой системы, – следовало бы признать его самым сложным для анализа. Тем более, что нынешние внутриливанские процессы могут приводить к выводам, увы, в пользу такой оценки. Всё большее отдаление правящих кругов и представителей общин во власти от реальных нужд населения наряду с углубляющимся социальным расслоением не позволяют обойти вниманием этот важный вопрос. Настоящим бичом любой демократии, подрывающим сами основы этого принципа в идеальном его понимании, стал автоматический переход «народных избранников» во властную страту (управленцев и законодателей), живущую по своей внутренней логике, не совпадающей с логикой жизни остального населения. Наряду с этим, в странах со сложной социальной структурой, таких как Ливан, благосостояние «элит» определяются теми кланово-конфессиональными группами, которые являются ядром их электоральной базы и основой их политической поддержки. «Элиты», тем самым, как бы обречены на взаимное противостояние, а значит и вовлечение в это противостояние своей клиентеллы. В таких условиях явление «договаривающихся политиков» может казаться парадоксальным, – правда, только если исходить из взгляда на них исключительно как на представителей разных социальных групп, в том числе конфессиональных общин, национальных сообществ. Их интересы должны бы неизбежно сталкиваться постоянно, кроме, пожалуй, кратких периодов тактических альянсов.

Существенную поправку к такой схеме, возвращающую её от умозрения к реальности, тот же Лейпхарт предлагал черпать в сформулированной некогда (в том числе для американского общества) гипотезе «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*; Артур Фишер Бентли и Дэвид Бикнелл Трумэн), а также близкой к ней концепции «перекрестных расколов» (*crosscutting cleavages*; Сеймур Мартин Липсет) на представителей разных групп во власти. В соответствии с этими идеями, стимулом к компромиссам в среде политических элит может быть их вовлечённость не в определённые соответствующие группы, а в разные – так называемое гетерогенное, перекрывающееся членство. В результате этого явления лидеры разных социальных групп и их политические пред-

ставители должны стремиться выработать более взаимоприемлемые позиции и искать решения, в большей степени устраивающие всех. В зависимости от степени стремления к политической стабильности, далеко превосходящей уровень неоднородности общества, политики и яркие представители «конкурирующих субкультур», по выражению Лейпхарта, могут придерживаться чисто «конкурентного поведения и тем самым ещё более усугублять взаимную напряжённость и политическую нестабильность, но они также могут предпринимать *целенаправленные усилия по противодействию сковывающим и дестабилизирующим последствиям культурной фрагментации*» (Lijphart 1969: 208, 212). Усилия и первого, и второго родов можно наблюдать у ливанских общинных лидеров и политиков на протяжении десятилетий существования независимого государства.

Договорное начало конфессионализма в действии

Дробность межобщинных отношений в Ливане имеет своё продолжение в политическом бомонде, говорящем и действующем во власти от имени соответствующих социальных групп (религиозных общин и кланов). Хорошо известно, что разные кланы стояли во главе разных политических сил даже внутри отдельных конфессиональных общин (например, несколько известных маронитских партий, нередко сталкивавшихся между собой, две основные шиитские организации, две – друзские и т.д.), которые были вынуждены после периодов противостояний искать пути политических компромиссов¹¹. Насколько исторически глубоко укоренена дробность ливанского общества, настолько прослеживается и договорной, согласительный характер отношений между социальными элементами. Как действует «консоциальный механизм», особенно наглядно показывая сравнительно недавние события внутривнутриполитического урегулирования в Ливане.

От внимательного наблюдателя не могла укрыться предпринятая Саадом Харири попытка сделки по распределению ключевых постов осенью 2015 г. – в разгар «президентского вакуума». Когда взаимоотношения основных кандидатов на президентский пост М. Ауна и С. Джааджи достигли пика непримиримости, тот выступил с инициативой проведения на высший пост маронита С. Франжье. Отсутствие консенсуса в этом вопросе ведущих ливанских политиков обусловило оглушительный провал того проекта, хотя он и получил поддержку из-за рубежа – и материальную и политическую. Ещё год понадобился, чтобы согласовать мнения ключевых игроков и провести относительно взаимоприемлемую схему распределения властных полномочий между представителями основных политических сил и соответствующих общин. Осенью 2016 г.

¹¹ Кстати, для оценки расстановки сил на ливанской политической арене (с учётом их конфессиональной принадлежности) учёные активно применяют индексы влияния Шепли-Шубика (1954) и Банцафа-Коулмана (1965, 1971). См., например: (Diss, Zouache 2015)

президентом стал М. Аун, а главой правительства – С. Харири: оба принадлежали к противостоящим некогда политическим альянсам, которые пользовались поддержкой, соответственно, Ирана и Саудовской Аравии.

Механизм «консоциации» сработал и в ходе последовавшего формирования состава кабинета министров. Правительство было утверждено, и первой страной, куда совершил государственный визит новый ливанский президент, стало Саудовское королевство.

Далее президентским указом весной 2017 г. была предотвращена попытка парламентариев уже в третий раз продлить свои полномочия, что подтолкнуло их всё-таки принять новый избирательный закон 17 июня того же года. В его основу лег законопроект, предложенный еще в 2011 г. Марваном Шарбелем, министром внутренних дел в тогдашнем правительстве Наджиба Микати¹². Он исходил из пропорционального избирательного принципа и предусматривал распределение квот депутатов по укрупненным избирательным округам, числом 15 вместо 26, причём квотированию подлежал вероисповедный состав по округам в зависимости от преобладающих в них религиозных общин¹³.

Изменение избирательного законодательства в конечном итоге пошло по пути, предложенному теми, кто стремился к закреплению традиции распределять в Ливане политические посты и квотировать депутатские места в соответствии с религиозной принадлежностью и районом проживания. И это был ещё один парадоксальный шаг ливанской демократии, поскольку внешне он напоминал своего рода консервативный откат. От неприкрытого цементирования политического конфессионализма на этот раз выиграла в наибольшей степени христианская община как более всего сократившаяся в количественном отношении.

Поддержка закрепившей конфессионализм «консервативной реформы» со стороны других общин может озадачивать. Возможно, что пресловутая мусульмано-христианская политическая конкуренция есть лишь конвенциональная схема, имеющая к реальности очень мало отношения именно в силу упомянутого выше «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*) властных групп. Но может быть, в основе такого единодушия лежало нежелание господствующего политического бомонда впускать в свой круг новые силы, которые могли бы сокрушить сложившуюся систему распределения политического и экономического влияния в стране.

Ливанский конфессионализм в контексте международных отношений

С ростом социальной мобильности и информационной открытости проблематика ливанских социальных отношений неминуемо глобализуется. Осо-

¹² Lebanon's draft new election law explained. *An-Nahar*. 3.06.2017. URL: <https://en.annahar.com/article/594740-lebanons-new-election-law-explained> (accessed 26.08.2019).

¹³ Интихабат 2018 (Выборы 2018). *Аль-Ахбар*. № 3459. 5.05.2018 (на араб. яз.). Р. 4.

бое восточное своеобразие консоциализма в политической культуре Ливана уходит, приближая этот ближневосточный вариант к подобным европейским политическим феноменам. Ливанская демократия при всех своих особенностях остаётся по-прежнему консоциальной. При этом сохраняется не только глубоко укоренённый консоциализм, который сыграл некогда важную роль в нациестроительстве на заре периода независимости (Bogaards 2014: 135), но и пресловутый ливанский политический конфессионализм.

Тем не менее, становится все более бесполезным пытаться оценивать положение страны в свете традиционных покровительственных связей зарубежных стран и соответствующих конфессиональных ливанских общин (например, Франция – марониты, Англия – друзы и сунниты, Россия – православные, и т.п.). Подобным образом, всё труднее вписывать активность местных шиитов в политический императив Ирана. Действительно, некогда шииты – значительная и, главное, быстрорастущая община – остро ощущали свою обделённость социальными благами и политическим участием. Но механизм борьбы шиитов Ливана за свои права был запущен в силу объективных причин еще как следствие гражданской войны 1958 г. Тогда премьер-суннит получил дополнительные полномочия, и пост спикера парламента, закрепленный за шиитами, значительно понизил свою значимость (Koury 1976: 88). Успешная для шиитов бурная деятельность в 60–70-е гг. имама Мусы Садра, наполовину ливанца, и его требования коренных социально-экономических реформ, были вполне исторически обусловленными и потому закономерными. Естественное для тех времён обращение к внешним патронам (а для шиитов это, естественно, Иран) имеет долгую инерцию. Тем более, что мощный импульс это внешнее влияние на ливанских шиитов (в частности, создание Хизбаллы) получило в начале 80-х гг. в свете экспансионистской религиозной идеологии нового Ирана. Эта инерция и теперь ещё служит причиной многоплановых ответных действий «суннитских» центров силы на Ближнем Востоке, несмотря на шаткое положение Ирана и даже вновь нависшей угрозы военной атаки на него будущей «демократизирующей» коалиции.

Политологи, естественным образом, усматривают желание Ирана обеспечить себе выход на Восточное Средиземноморье посредством выстраивания «шиитского полумесяца» (аль-хиляль аш-ши'и) – включая территории Ирака, Сирии и Ливана. Израиль в этом видит для себя угрозу приближения к своим границам (в Южном Ливане) главного своего врага (ИРИ), заявляющего в рамках официальной идеологии о необходимости ликвидации еврейского государства. Порочность такого рода военно-стратегических выкладок заключается в том, что это не существующие межконфессиональные отношения и реальный статус общин (например, алавитской в Сирии и шиитской в Ливане) подводят к таким выводам, а строго наоборот: обобщенные локусы ближневосточных конфессий зачастую подгоняются под красивые и тревожащие воображение схемы.

Ливанские реалии заставляют по-новому смотреть на устоявшиеся схемы. В качестве близкого и очень наглядного примера можно взять отношения, ко-

торые выстраиваются между Россией и ключевыми конфессиональными общинами, широко представленными на политическом поле Ливана и в его деловых кругах. Даже ещё в начале XX в. в отдалённых сёлах православных районов Ливана (например, в уезде Кура) некоторые жители всерьёз полагали, что члены их общины находятся под властью российского императора. Такой курьёз объяснялся повсеместностью феномена внешней протекции в то время (и со стороны французских миссий и дипломатов и английских, и итальянских).

Теперь же, помимо развивающихся связей между Русской Православной Церковью и Антиохийским Патриархатом, выстраиваются самые разнообразные связи с ливанскими политиками иных вероисповеданий. Регулярными стали визиты в Москву министра иностранных дел Ливана, маронита Джубрана Басиля, который является главой Свободного патриотического движения. Идут контакты с другими политиками-маронитами, например, главой партии Катаиб Сами Жмайелем, лидером движения «Марада» Сулейманом Франжье. Важным для Москвы деловым и политическим партнёром стал ливанский премьер, лидер движения «Мустакбаль», суннит Саад Харири. Давние связи поддерживаются с лидером прогрессистской партии, другом Валидом Джумблатом. Периодически приезжает в Россию и глава другого друзского клана, лидер Демократической партии «Талаль» Арслан. Наконец, сам президент Ливана, Мишель Аун через своего советника Амаля Абу Зейда курирует научное сотрудничество между российскими и ливанскими исследовательскими центрами, и организационных контактов такого рода было уже несколько в течение года.

Россия демонстрирует в этом удачный пример принятия ливанского конфессионализма как данности политического поля страны-партнёра. При этом выстраиваемые контакты в самых разных сферах далеки от игры на разногласиях между религиозными общинами или какого-либо манипулирования. Меры давления и запретов, наподобие принятых британскими властями в феврале 2019 г. в отношении политического крыла «Хизбаллы», очевидно не могут принести пользы в изменившихся условиях социальной коммуникации в регионе.

Вместо заключения. Опасность внешних воздействий

Итак, проанализированные особенности ливанской политической модели в условиях сложнейших региональных отношений и блоковых противостояний позволяют, в целом, заключить о справедливости выдвинутой в начале статьи гипотезы. Консоциональная модель с добавлением некоторых черт, характерных исключительно для Ливана, (в частности, клановость, родовитость как элемент политической легитимации элит, чего нет, например, в Швейцарии или Бельгии), действительно, способствует жизнеспособности ливанского государства. На протяжении вот уже тридцати лет она гарантирует общество от серьёзных гражданских противостояний. Важно при этом, что гетерогенность

общества напрямую связана не только с внутривнутриполитическим раскладом, но отчасти коррелирует также с региональной расстановкой сил. Так что внутривнутриполитические баталии, в основном увязанные на интересы региональных игроков, представляют собой как бы продолжение борьбы на ближневосточной политической арене. Консоциальная ливанская модель предоставляет определённый институциональный инструментарий для внешнеполитического лавирования страны в интересах внешней и внутренней безопасности ливанцев.

Признавая справедливой критику самой модели и её ливанского варианта, осознавая теоретическую ущербность конфессионализма как основы ливанской системы, всё же пока можно констатировать действенность избранного принципа принятия компромиссных политических решений. Неформальные практики, как бы разбавляющие нормальные демократические процедуры, нередко сводятся к кулуарным договоренностям (если только не стогорам), хитроумным комбинациям, которые, как ни странно это может показаться, в ливанских условиях всё же выводят заходящие иногда в тупик формализованные и абсолютно эффективные во многих странах практики демократии.

Конкурирующие политические силы Ливана продолжают выстраивать свою международную повестку в зависимости от интересов соответствующих социальных групп (как правило, конфессиональных) и в тех или иных хозяйственных секторах. До тех пор, пока это не ведёт к принятию одной из сторон какого-нибудь из горячих конфликтов, это вписывается в общий нейтральный курс государства. Рассматривая активность ливанских политических сил в этом ключе, исследователь вынужден вновь и вновь переходить от рассмотрения диверсифицированных внешних связей, обладающих большим позитивным потенциалом, к опасности втягивания Ливана в региональные конфликты, к прямому политическому воздействию извне на его ключевых лидеров, финансовые и властные структуры.

Непростое развитие региональной ситуации отражается, как и в прежние времена, на политической арене этой страны. Да и проблемы самого ливанского общества продолжают обуславливаться внешними факторами. Можно спорить, какой из них оказывается первостепенным в негативном влиянии на ливанскую демократию – глубокое социальное расслоение, застарелые формы клиентелизма или мощные сдвиги в демографической структуре общества, в том числе в связи с огромным количеством беженцев из Сирии (внешний фактор).

Например, на рубеже веков многие считали ключевой проблемой нерешённость статуса палестинских беженцев в стране¹⁴, и эта проблема до сих пор ещё, пожалуй, препятствует нормальному функционированию свойственной Ливану системы разделения власти и компромиссного принципа принятия решений. Так, Бренда Сивер писала в 2000 г.: «Могло бы применение системы власти боль-

¹⁴ Kadi G. 2018. The Lebanese style of democracy of no winners or losers. *The Saker Blog*. May 27. URL: <http://thesaker.is/the-lebanese-style-of-democracy-of-no-winners-or-losers/> (accessed 26.08.2019).

шинства (*majoritarian (winner-take-all) system*) в Ливане оказаться более прочным перед лицом региональных проблем, таких как палестинский кризис? Простой ответ на этот сложный вопрос, вероятно, – нет. Причём, если бы даже поддержание консенсуса среди элит уже не вызывало трудностей, возникает ещё более серьёзная проблема: мусульмане, по всей вероятности, будут всё больше доминировать над ливанской политикой из-за своего статуса большинства, что может угрожать безопасности христиан <...> Система власти большинства (*majoritarian system*), даже та, которая обеспечивала бы основные права меньшинств и отдельных лиц, только усугубила бы следствия их статуса меньшинств, что повышало бы вероятность гражданского насилия в Ливане. <...> Система власти большинства была бы менее эффективной, чем система распределения власти (*power-sharing arrangements*) в такой дробной стране, как Ливан, и ещё более осложнила бы и без того опасную ситуацию» (Seaver 2000: 271).

В настоящее время набор негативных внешних факторов, влияющих на ливанскую систему распределения власти, куда шире. Причина этого – в сложнейшей расстановке сил на Ближнем Востоке, включающей элементы глобального противостояния. В сложившейся системе координат разные ливанские общины, единые в стремлении жить в одном государстве, вынуждены выстраивать свою собственную «политическую навигацию», чтобы не потерять наработанные с годами очки в острой конкурентной борьбе. В определённой степени именно с внешними трудностями был связан долговременный кризис верховной власти в стране (с 2013 г.), начало выходу из которого положило избрание президента осенью 2016 г., продолжили долгожданные выборы в Совет депутатов в мае 2018 г., а завершило формирование на компромиссной основе представительного правительства (30 министров) в конце января 2019 г. Остаётся надеяться, что гибкая ливанская система всё ещё сохраняет внутри себя потенциал внутреннего реформирования вслед за нуждами общества, а не будет давать знать о себе лишь в ответных шагах на действия региональных и глобальных центров силы.

Об авторе:

Алексей Викторович Сарабьев – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: alsaraby@ivran.ru.

Благодарности:

Статья написана по гранту Российского научного фонда на 2017–2019 гг., проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 21, 2019
Accepted: August 8, 2019

Lebanon: An Ordinary “Consociational Democracy” in the Regional Context

A.V. Sarabiev
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112

Institute of Oriental Studies of RAS

Abstract: Lebanon has a number of features that determine its special position in the region and its importance in the system of relations between the Middle East states. An important role in this is played by the ideological and strategic aspects of world politics in the region in which Lebanon is organically inscribed in both the historical and geopolitical plans. The stability of a country that has passed through a long civil war makes it stand out from a number of states in the region. The author's hypothesis is that the reason for the extraordinary stability — of Lebanese society, the system of state power, political elites, economic ties and foreign policy contacts, despite all the negative regional factors — can be rooted in the consociational principle of making key decisions based, paradoxically, on the notorious political confessionalism. The peculiarities of the Lebanese political model (although they are subject to well-deserved criticism) distinguish it from the multitude of “customary” democracies, bringing together with examples of the unique democratic systems of Europe and other continents. The motley confessional composition of society, along with the historically determined foreign policy guidelines of individual communities, suggested a special informal decision-making mechanism throughout the country — not on the basis of majority power, but on a contractual, compromise principle. Leading theorists of consociationalism often had in mind the Lebanese pattern of democracy in their political studies, and many of their developments are still well applicable for analyzing the functioning of the main state institutions of Lebanon. A theoretical study, along with an analysis of the current regional situation, convince the author of the correctness of the hypothesis put forward. Both in Lebanese history and now, it is the inveterate forms of external influences that forced Lebanese society to balance on the verge of aggravated intercommunal clashes. The combination of external factors served as the beginning and further warmed up the civil war. Heightened relations with Syria by 2005, the Israeli attack in 2006, the gravest threat from jihadi-caliphats — all these factors have negatively affected intra-civil and inter-group relations. Stereotypical forms of use of religious communities (Shiites, Sunnis, Christians of different denominations, etc.) from the outside and even direct pressure from abroad continue to confront them, imposing ideas on social relations and political participation that are alien to Lebanese. Diversification of political and business contacts of Russia with representatives of different Lebanese communities can serve as a good example of Lebanon's perception of all the features of its political system as a full subject of international relations.

Key words: Middle East, ideology of Arab nationalism, Sunni-Shiite conflict, Lebanese Christians, consociational democracy, political confessionalism, deeply divided societies, international relations, political pressure, Lebanon.

About the author:

Aleksei V. Sarabiev, Ph.D. (History), Leading Researcher of the Centre of Arabic and Islamic Studies of Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements:

The article was written by Russian science Foundation grant for the 2017-2019 biennium., project No. 17-18-01614 «Problems and Prospects of Political Transformation of the Middle East in Terms of Regional and Global Threats».

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bahout J. 2013. Sectarianism in Lebanon and Syria: the dynamics of mutual spill-over. *Peace Brief* (US Institute of Peace), No. 159, November 15. P. 1–4. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/PB159.pdf> (accessed 26.08.2019)
- Bogaards M. 2014. *Democracy and Social Peace in Divided Societies: Exploring Consociational Parties*. Palgrave Macmillan. 174 p.
- Christophersen M. 2018. Implementation of the 2030 Agenda in Lebanon. *Pursuing Sustainable Development under Sectarianism in Lebanon* (International Peace Institute), Apr. 1. P. 6–24.
- Dekmejian R.H. 1978. Consociational Democracy in Crisis: The Case of Lebanon. *Comparative Politics*. 10(2) (Jan.). P. 251–265.
- Diss M., Zouache A. 2015. Une étude de la répartition du pouvoir confessionnel au Liban. *Revue d'économie politique*. 125(4) (juillet-août). P. 527–546. <https://doi.org/10.3917/redp.254.0527> URL: <https://www.cairn.info/revue-d-economie-politique-2015-4-page-527.htm> (accessed 26.08.2019)
- El-Bacha M. 2009. Démocratie et culture politique libanaise. *Confluences Méditerranée* (L'Harmattan). Été. No. 70: Liban, de problèmes en crises. P. 71–87. [www.doi.org/10.3917/come.070.0071](https://doi.org/10.3917/come.070.0071). URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2009-3-page-71.htm?ref=doi> (accessed 26.08.2019)
- Fakhoury T. 2014. Debating Lebanon's power-sharing model: an opportunity or an impasse for democratization studies in the Middle East? *Arab Studies Journal*. XXII(1). Spring. Special Issue: Cultures of Resistance. P. 230–255.
- Heydemann S., Bouyssou R. 2013. Après le séisme. Gouvernement économique et politique de masse dans le monde arabe. *Critique internationale*. No. 61 (octobre-décembre). P. 69–84. [www.doi.org/10.3917/cii.061.0069](https://doi.org/10.3917/cii.061.0069) URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2013-4-page-69.htm?ref=doi> (accessed 26.08.2019)
- Hudson M.C. 1967. A Case of Political Underdevelopment. *Journal of Politics*. XXIX (November). P. 836.
- Koury E.M. 1976. *The Crisis in the Lebanese System: Confessionalism and Chaos*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 92 p.
- Lehmbruch G. 1974. A Non-Competitive Pattern of Conflict Management in Liberal Democracies: The Case of Switzerland, Austria and Lebanon. *Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies*. Ed. by Kenneth MacRae. Toronto: McClelland and Stewart. P. 90–97.
- Lehmbruch G. 2003. *Verhandlungsdemokratie: Beiträge zur vergleichenden Regierungslehre*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. 217 p.
- Lijphart A. 1969. Consociational Democracy. *World Politics*. 21(2) (Jan.). P. 207–225.
- Lijphart A. 1981. Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply. *Comparative Politics*. Vol. 13. No. 3 (Apr.). P. 355–360.

Lustick I.S. 1997. Lijphart, Lakatos, and Consociationalism. *World Politics*. 50(1). 50th Anniv. Special Issue. Oct. P. 88–117. <https://doi.org/10.1017/S0043887100014738>

Lustick I.S. 1979. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control. *World Politics*. 31(3) (Apr.). P. 325–344.

Messarra A.N. 1983. Le modèle politique libanais et sa survie: Essai sur la classification et l'aménagement d'un système consociatif. Beyrouth: Université Libanaise. XIV+535+12 p.

Party Elites In Divided Societies: Political Parties in Consociational Democracy. 1999. Ed. by Kurt R. Luther and Kris Deschouwer. London and New York: Routledge. (Routledge Ecpr Studies in European Political Science, 7). 294 p.

Renegotiating the Welfare State: Flexible adjustment through corporatist concertation. 2003. Ed. by Frans van Waarden, Gerhard Lehmbruch. London, New York: Routledge. 308 p.

Seaver B.M. 2000. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon. *Political Science Quarterly*. Vol. 115. No. 2 (Summer). P. 247–271.

Yiftachel O. 1992. The State, Ethnic Relations and Democratic Stability: Lebanon, Cyprus and Israel. *GeoJournal*. Vol. 28. No. 3. The Middle East and the Emerging New World Order (November). P. 319–332.

Mueller D. 2015. *Razum, religiya, demokratiya* [Reason, religion, democracy]. Moscow, Mysl'. 560 p. (In Russ.)

Литература на русском языке:

Мюллер Д. 2015. *Разум, религия, демократия*. Москва: Мысль. 560 с.